

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

*С. Абердам**

ЧЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Французам и француженкам XVIII в. действительно было много известно о более или менее заметных случаях неравенства, они существовали за их счет или же, наоборот, подвергали их критике. Знание всех этих правил субординации было частью их культуры, они усваивали их с детства, ведь это было совершенно необходимо для жизни в обществе. Поэтому множество ситуаций, которые с ретроспективной точки зрения мы характеризуем как несправедливость, представляли собой – прежде всего сложившиеся за века социальные правила. Привилегии и полномочия, права и обязанности, которыми каждый человек обладал по отношению к другим и которые, как считалось, имели естественное, феодальное или договорное происхождение, с трудом сочетались с Декларацией прав, однако ее значение в наибольшей степени заключалось в разрешении самых принципиальных и древних противоречий. В итоге автор приходит к выводу, что решимости установить равенство прав недостаточно самого по себе; конкретные обстоятельства могли ему воспрепятствовать, отсрочить или реализовать непредсказуемым образом.

Ключевые слова: Французская революция, Декларация прав человека, Старый порядок, сеньориальные права, эмансипация.

В сложившейся сегодня в мире ситуации, когда под «защитой прав человека» стали понимать очень разные и порой даже весьма сомнительные вещи, каждый может по контрасту испытать некоторую ностальгию по французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года... Что не мешает многим историкам, когда речь заходит о 1790-х гг., подчеркивать колебания законодателей, неравенство в под-

** Серж Абердам, доктор наук, научный сотрудник Национального института сельскохозяйственных исследований (INRA), Генеральный секретарь Общества робеспьеристских исследований. Статья изначально опубликована в: A Companion to the French Revolution / Ed. by P. Mac Phee. Wiley-Blackwell, Chichester, West Sussex (UK), 2013. 544 p. Перевод сделан с французского оригинала.*

ходах к различным социальным группам и происходившие время от времени драматические откаты назад. Они обоснованно ссылаются на четыре категории людей – мулатов, евреев-ашкенази, рабов и женщин, которые изначально были исключены из Декларации прав и оставались таковыми еще долгое время. Но что общего между ними? На какие критерии мы опираемся, когда составляем этот перечень категорий населения? Английское название данной статьи¹ можно перевести на французский язык двумя способами, и есть смысл рассмотреть оба варианта. Когда мы задаемся вопросом: «*Чьим делом была Революция?*» – мы излишне ее эссенциализируем, допуская, что один или несколько участников держали ее под контролем. Другая формулировка – «*Кого Революция затронула?*» – менее механистическая, с той лишь оговоркой, что в данном случае Революция «затронула» не только тех, кто был в нее непосредственно вовлечен, но и все общество: и тех, для кого она была за тысячу лье от их собственных забот, и тех, кто был готов ради нее рискнуть. Однако в этой логической схеме Декларация прав, которая отнюдь не была *ultima ratio* Революции, затронула всех по-разному.

Права и исключения из прав

Если взять за точку отсчета вышеупомянутые четыре категории – рабов, мулатов или, согласно французской юридической терминологии, «цветных свободных людей» (*«hommes libres de couleur»*), женщин и часть евреев, которые в тот или иной период времени были исключены из Декларации прав, то мы поймем, насколько медленно шло их освобождение. Вернее, для части «*цветных людей*» и некоторых евреев речь пойдет об отсрочке; для женщин – об отказе в политических правах, а для гражданского статуса женщин и рабов – о некотором прогрессе, а затем драматических откатах назад. Любое более-менее углубленное исследование обнаруживает в каждом из случаев свои нюансы, учитывая, что получение гражданских и политических прав продвигалось вперед с разной скоростью. В итоге создается впечатление недостаточности достигнутых результатов, и оно действительно очень быстро сложилось у множества заинтересованных лиц. Отметим также, что, рассматривая «*Декларацию прав*» вообще, сложно ограничиться лишь Декларацией августа 1789 г., так как Декларации июня 1793 г. и сентября 1795 г. тесно с ней связаны.

¹ «Whose revolution?» На русском также сохраняются оба смысла. – *Прим. ред.*

Следует также упомянуть, что всемирное значение Декларации прав, о котором столь часто заходила речь *впоследствии*, совсем необязательно воспринималось аналогичным образом ее современниками. Поэтому необходимо постоянно проверять, какие следствия влекли за собой те или иные ее статьи. Даже Декларация 1793 года, самая либеральная и разошедшаяся в наибольшем количестве экземпляров², предоставляет читателям и юристам возможность оценивать ее очень по-разному. В частности, в ст. 3 данной Декларации говорится, и это восходит еще к ст. 1 Декларации 1789 года, что «все люди равны от природы и перед законом». Но она также уточняет (ст. 18, повторенная в 1795 году как ст. 15), что «каждый может предоставлять по договору свои услуги и свое время, но никто не может ни продаваться, ни быть проданным: его личность не есть отчуждаемая собственность...» Для нас возможность применить эти тезисы к рабству кажется очевидной. Однако в то время это воспринималось иначе; к тому же закон далеко не сразу стал обязательным для исполнения. На практике лишь восстания рабов и необходимость их мобилизации на сопротивление контрреволюции привели к официальной отмене рабства на Сан-Доминго. Лишь после этих событий решение об отмене рабства было повторено и расширено Конвентом, а сегодня нам к тому же хорошо известно, что эта отмена была временной.

Впрочем, не знаем ли мы множество случаев, когда какие-либо меры принимались сначала эмпирически, под давлением заинтересованных лиц, а в дальнейшем они лучше или хуже вписывались в действующее законодательство, и это происходило еще до того, как их переосмысливали с точки зрения прав человека? Не зависело ли многое от того, как именно разные категории подданных (*régnicoles*) осознавали свое положение и могли ли они его изменить? Между непосредственным признанием «равных» прав и долговременным лишением этих прав существует множество промежуточных случаев: от быстрой отмены сословий и почетных привилегий в связи с событиями ночи 4 августа 1789 г. и первой Декларацией прав, до отдельных протестов, которые далеко не сразу были признаны как имеющие реальное отношение к требованиям Декларации. Так, например, было с требованиями женщин (как раз потому, что эти простые формулировки ставили под сомнение все семейное и социальное устройство), и эти требо-

² *Aberdam S. La Convention en campagne – à propos des éditions du projet de Constitution de 1793 // Le temps des média. Revue d'histoire. Hiver 2006–2007. № 7. P. 20–34.*

вания были без долгих раздумий полностью отвергнуты, а решение это подчас принимало формы фарса.

Однако исключение женщин из числа обретших права не было ни единовременным, ни однозначным. В политической сфере потребовалось много лет, чтобы изменить отношение многих местных общин к вдовам и женщинам, обладающих собственностью, как к налогоплательщикам, а значит, к тем, чей голос должен быть учтен. В области гражданских прав при Старом порядке неравенство при получении наследства было в порядке вещей, шла ли речь только о братьях или о братьях с сестрами. Положение *дочерей* и *младших сыновей* было вдвойне несправедливым, так как нормы, применяемые в вопросах наследования, зависели и от места жительства семьи, и от *юрисдикций* тех или иных *Парламентов*. И именно эта юридическая неоднородность королевства провоцировала требования унификации законодательства, налоговой системы, административного деления, мер и весов, используемых языков... А если уж говорить о равенстве при наследовании, то оно было введено лишь спустя четыре года, в марте 1793 г. И хотя внедрение этих норм сталкивалось с определенными трудностями, данное решение оказалось бесповоротным. Совсем иначе вышло с разводом, который стал возможен в сентябре 1792 г., но вновь был решительно запрещен при Консульстве.

Другие исключения из обычного права в конце XVIII в. касались более скрытых социальных групп, таких как вольнодумцы, *либертины* и атеисты, а также в самом широком смысле гомосексуалистов, именуемых *содомитами*, или даже просто *онанистов*. Все они могли в любой момент стать объектами законных преследований, общественного осуждения, притом их не могли избежать ни *актеры*, ни... самоубийцы. В некотором смысле оставались исключенными из обычной общественной жизни потомки прокаженных, или *каготы*. Эти архаичные виды дискриминации уходили очень медленно даже после того, как их правовые основания исчезли. Актеры – парии, лишённые гражданских прав, – были включены в систему обычного права, испытывая на себе лишь насмешки, сопровождавшие политическую карьеру Колло д'Эрбуа³ и других актеров и актрис, вовлеченных в политическую жизнь. Статьи *уголовного кодекса*, принятые в сентябре-октябре 1791 г., фактически отменили смертную казнь за *содомию*, но еще долгое время продолжало существовать множество других наказаний за правона-

³ *Biard M. Collot d'Herbois : légendes noires et Révolution. Lyon, 1995.*

рушения, связанные с *нравственностью*. Аналогичным образом безбожие, иначе говоря, атеизм, стало ненаказуемо, или по крайней мере с ним более или менее мирились в зависимости от бесчисленных нюансов, касавшихся поведения в обществе или личного мнения... Ни свобода, провозглашенная в 1789 г., ни наступающая время от времени относительная независимость гражданского общества от моральных норм официальной Церкви не препятствовали продолжению репрессивных действий.

Далеко выходящее за рамки Декларации 1789 года фактическое, а затем и законодательное отделение государства от церкви было небывалым экспериментом 1793–1799 гг., план которого (и это исключительный случай!) был намечен в Декларациях 1793 и 1795 годов. В первой Декларации это отделение лишь констатировалось, поскольку провозглашалась свобода совести, но в ней не указывалось место, которое теперь занимала религия; во второй Декларации этот момент уже четко оговаривался. Это отделение привело в движение мощные силы, будь то сильный народный антиклерикализм и дехристианизаторское движение осени 1793 г., галликанское пресвитерианство «*Национальной церкви*» в 1795–1799 гг. или мистицизм католической реакции, близкой к возвращению к *катакомбной церкви*. Приведенная Бонапартом в походный порядок католическая и римская Церковь (она оставалась церковью большинства) попыталась подавить своих конкурентов – республиканцев из Национальной церкви, а также *принудренных* традиционалистов «*Малой церкви*». Благодаря конкордату 1801 г. католицизм сумел навязать свои богослужения, а также контроль над образованием и повседневной жизнью – и так вплоть до отделения церкви от государства в 1905 г.

В течение трех или четырех лет можно было наблюдать исчезновение ограничений в правах верующих, которые исповедовали различные протестантские культы, а также иудаизм и прочие религии меньшинств. Но следует задаться вопросом об устойчивости локальных форм дискриминации, которые могли, к примеру, ограничивать в реальности использование евреями своих политических прав. Неискоренимый антисемитизм нашел неожиданную поддержку в поведении глав наиболее интегрированных общин: для «*португальских*» сефардов Бордо, Байонны или Авиньона страх потерять некоторые из своих привилегий был достаточной причиной для того, чтобы мириться с дискриминацией по отношению к ашкенази Эльзаса и Лотарингии, которым, в свою очередь, было что терять по сравнению с евреями Империи... Универ-

салистская логика не распространялась среди них естественным образом. Даже Залкинд Гурвиц⁴ колебался, какую сторону принять. Этот польский еврей из Парижа получил в 1789 г. премию Общества развития наук и искусств в Меце за свой ответ на вопрос: «Есть ли способы сделать евреев во Франции более полезными и счастливыми?» Он выступил за распространение прав на всех, но при этом без колебаний *высмеял отеческие* намерения Академии Меца, сделав ей комплимент в стиле того времени, выстроенный так, что адресат уже не мог понять, насмеваются над ним или нет⁵. Вместе с тем в своей «Апологии евреев» Гурвиц также признал, что необходимо найти способ «освободить» евреев Эльзаса от их ростовщических практик, в то время как антисемитские угрозы заставили его меланхолично отметить, что «ягненок из басни достаточно глуп, так как вместо того, чтобы сбежать, он тратит свое время на попытки доказать волку свою невиновность, хотя тот, как и сам ягненок, прекрасно о ней осведомлен»⁶. В итоге даже с появлением наполеоновского законодательства, регламентирующего отправление культов меньшинств, мы видим лишь очень медленное изменение ситуации, сложившейся при Старом порядке, когда люди прежде всего считались членами того или иного «сообщества» в зависимости от того, какие культы они отправляли. Однако в эпоху Империи, да и при Реставрации, когда сильно ограничивались политические права, доступ к гражданским правам на практике продолжал расширяться.

В те времена мало кто интересовался судьбой заключенных или помещенных в психиатрическую больницу «сумасшедших». Они были не просто вне поле зрения большинства действующих лиц той эпохи, их положение невозможно было сформулировать в терминах Декларации прав. В третьей Декларации (1795 год, статья 13), правда, уточнялось: «Всякое обращение, которое усиливает наказание, определенное на основании закона, является преступлением». Однако практическое применение этого положения было весьма ограниченным. Женщину, которую мы приняли бы за воинствующую феминистку, ее современники сочли сумасшедшей: в 1793 г. Теруань де Мерикур отправили в психиатрическую больницу, где она и оставалась до конца своих дней,

⁴ Malino F. Un juif rebelle dans la Révolution et sous l'Empire: la vie de Zalckind Hourwitz (1751-1812). P., 2000. 243 p. (Oxford Blackwell, 1996).

⁵ Bourguinat E. Le siècle du persiflage: 1734-1789. P., 1998. 228 p.

⁶ Hourwitz Z. Apologie des Juifs (1789). P., 2001. 84 p.

прикованная к стене сумасшедшего дома⁷. И против подобного заточения, превращавшего женскую политизированность в сумасшествие, не было никакого средства. Вымышленная история Петера Вайса в его пьесе «Марат – Сад» (1963), возможно, более верна духу того времени, чем бесконечный спор о роли либерального психиатра Филиппа Пинеля в 1793–1798 гг.⁸ И все же нужно постоянно помнить о том, что из себя представлял режим братьев Бонапартов, когда в сумасшедший дом отправляли по политико-психиатрическим причинам, и это не встречало ни малейшего сопротивления общества. В целом, при рассмотрении применимости Декларации прав следует учитывать не только проявление общественной активности заинтересованных групп, но также помнить, что область ее применения была гораздо более узкой, чем мы привыкли ей приписывать.

Тем не менее чистая правда, что французам и французенкам XVIII в. действительно было много известно о более или менее заметных случаях неравенства: они существовали за их счет или же, наоборот, подвергали их критике. Знание всех этих правил субординации было частью их культуры, они усваивали их с детства, ведь это было совершенно необходимо для жизни в обществе. Поэтому множество ситуаций, которые с ретроспективной точки зрения мы характеризуем как несправие, представляли собой прежде всего сложившиеся за века социальные правила, ту отправную точку, от которой люди того времени и отталкивались. Эти правила историки, занимающиеся изучением Старого порядка и Революции, пытаются постоянно держать в голове. Если они про них забывают, то допускают бессмыслицы и анахронизмы, но это им ничем не грозит, разве что насмешками от коллег. А вот современники Революции подвергались риску оказаться у позорного столба, их могли посадить в тюрьму, выпороть розгами или бросить в реку, а то и посчитать сумасшедшими, что в конечном счете могло оказаться еще худшей участью. *Привилегии и полномочия, права и обязанности*, которыми каждый человек обладал по отношению к другим и которые, как считалось, имели *естественное, феодальное* или *дого-*

⁷ Roudinesco É. Théroigne de Méricourt, une femme mélancolique sous la Révolution. P., 1989. 316 p.; Godineau D. Citoyennes tricoteuses: les femmes du peuple à Paris pendant la Révolution française. Aix-en-Provence, 1988. 420 p. (Réed.: 2004).

⁸ Foucault M. Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique. P., 1964. 2 vol. 311 p.; Idem. Le pouvoir psychiatrique; cours au Collège de France, 1973–1974. P., 2003. 399 p.; Swain G. Le sujet de la folie. Naissance de la psychiatrie. P., 1997. (1ère éd.: 1977); Weiner D.B. Comprendre et soigner: Philippe Pinel (1745–1826), la médecine de l'esprit. P., 1999; Semelaigne R. Philippe Pinel et son œuvre. Au point de vue de la santé mentale. P., 2001.

ворное происхождение, с трудом сочетались с Декларацией прав, однако ее значение в наибольшей степени заключалось в разрешении самых принципиальных и древних противоречий.

Землепашцы, вилланы и престолюдины

Огромное количество правил субординации пронизывало все слои общества Старого порядка: их образно называли «каскадом презрения» (*cascade de mépris*), где каждый должен был презирать более слабого, чем он сам. То, что в современных терминах мы называем поражением в правах, тогда имело абсолютно законную основу, и из этого вытекали важные экономические последствия. Правовые нормы, имевшие, как тогда говорили, «феодалное» происхождение, применялись как к людям, так и к землям, а иногда и к тем, и другим. На протяжении веков они время от времени становились предметом торга, но столь же часто провозглашались незыблемыми. В 1789 г. зависимость *сервов* практически исчезла и подчинявшихся праву мёртвой руки (*mainmortables*) было уже совсем не много, хотя они и оставались. Однако процесс имел обратный вектор для держателей земли (*tenanciers*) и других *обязанных соблюдать сеньориальные права (redevables)*, то есть для *цензитариев*, для всех *обязанных платить десятину*, а также для крестьян, как бы являвшихся собственниками, но вынужденных постоянно соблюдать права сеньоров, платить ренты, выполнять барщину и нести прочие обязательства, разнообразие которых не поддается учету. Эта зависимость была усилена «сеньориальной реакцией» XVIII в., в ходе которой многочисленные процессы между сельскими жителями и «обладателями» прав заводили истцов в юридические дебри. В последние десятилетия существования монархии крестьянам было не очень важно, связаны ли повинности с их личным статусом или со статусом земли, которую они «держали»: у них практически не было другого выбора, кроме как цепляться за землю и хитростью пытаться выиграть время у обладателей *титулов, хартий*, книг росписи *церковных доходов (pouillés)* и *картуляриев*, неважно, были ли все эти документы подлинными или недавними подделками.

Поэтому вполне естественно, что в 1789 г. все эти вопросы вновь поднимались в наказах депутатам Генеральных штатов, где «антифеодалные» требования часто становились предметом дополнительных статей, насильственно навязываемых нотаблям во время собраний⁹. По-

⁹ Robin R. La société française en 1789. Semur-en-Auxois, 1970. 522 p.

сле ночи 4 августа и принятия Декларации прав некоторые из законов, тяготевающих над «землепашцами», были отменены, но большая их часть была приравнена законодателями к договорным обязательствам, то есть, как предполагалось, подлежала выкупу. Чаще речь шла о сеньориальной, а не о «феодальной» зависимости, но и это слово-клеймо стало охотно использоваться после начала серии «жакерий» – масштабной сельской герильи, возобновлявшейся каждое лето в 1790–1793 гг. Эти многочисленные приступы народного негодования были подробно изучены Анатолием Адо¹⁰, который внес коррективы в полную ненависти типологию, созданную ранее Ипполитом Тэнном. Оба историка продемонстрировали, что эти акты неповиновения были движущей силой, которая толкала Революцию вперед, пока, наконец, крестьяне не сумели освободиться от повинностей насильственным путем. Они добились законодательной отмены сеньориальных прав, и кульминацией здесь стал знаменитый закон от 17 июля 1793 г. А вся эта жестокая борьба оказала влияние на другие конфликты, в результате которых была решена судьба имущества духовенства, короля, коммун и иных сообществ, в том числе эмигрантов. Уравнивание личных статусов сельских жителей шло успешно, а по пути оно заодно привело и к новым юридическим рамкам сельскохозяйственного производства, которые в конце концов были закреплены в Гражданском кодексе (1804), а затем и в Лесном кодексе (1827).

Первоначальное неравенство личных статусов (постоянная причина недовольства, в связи с которым и была написана Декларация прав) было также связано с принадлежностью каждого человека к определенному *сословию* и, среди прочего, с поражением в правах *ротюрье*. Их сословная принадлежность проявлялась прежде всего в обязанности *простолюдина* платить десятину (сразу же упраздненную) и королевский налог. Старые антиналоговые требования (в наказах депутатам Генеральных штатов они гораздо более явно выражены, чем вопрос о сеньориальных повинностях) за несколько месяцев прошли путь от вопроса местного или регионального значения до общенациональной проблемы, и это было удивительное расширение кругозора, оно стоит того, чтобы остановиться на нем отдельно. И хотя окончание налогового неравенства привело к освобождению множества крестьян, ремесленников и торговцев от груза налогов, которые платили только они,

¹⁰ Ado A. Paysans en révolution. Terre, pouvoir et jacquerie, 1789–1794. P., 1996. 475 p. На русском языке: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987.

оно все же не уничтожило другие многовековые последствия принадлежности к ротюрье – что для богатых, что для бедных. Те, кто был способен защищать свое имущество и свои доходы, все же не могли забыть о своих корнях, так как при Старом порядке это значило немало – быть «вилланом» и владеть за собой «низость» «позорного» рождения, что влияло на все течение жизни и на карьеру.

Отсюда и успех (лишь бы смыть это *клеймо!*) продаж сеньорий или, еще лучше, дворянских титулов, особенно в конце Старого порядка, когда при получении военных или церковных должностей возросли требования к «чистоте» дворянского происхождения. Отсюда же, притом в самом широком масштабе, использование «мыла для черни»¹¹, которое королевская власть изобрела в начале XVII в., начав продавать *должности* как раз для того, чтобы получить сбережения самых зажиточных из своих *подданных*. Создавая новые *иерархические ступени*, эта система открыла тарифицированный путь доступа к дворянству, получившему название «*дворянства мантии*». Эти обходные пути имели продолжительный успех и, в частности, в течение двух веков обеспечивали социальное воспроизводство судей, от низших до высших ступеней. Однако как только началась Революция, оказалось, что процедура продажи *должностей* вызывает такое презрение, что ее сразу же потребовали уничтожить. Это был единодушный призыв: пусть государство выплатит возмещение должностным лицам, пусть с ними наконец-то будет покончено и пусть новые судьи будут выбраны для новых судов! Не считая войн и завоеваний, равное право доступа к общественным должностям, сформулированное Декларациями, стало основным кредо французского общества. Соотношение между назначениями, выборами и *конкурсами на замещение должности или повышение* было, как и повсюду, разным, но вплоть до наших дней каждый обход правил вызывает сильное социальное напряжение. Иными словами, применение на практике Декларации прав с самого начала предполагало весьма сложные и до сих пор еще до конца не определенные процедуры.

На другом, самом бедном краю третьего сословия различные поражения в правах затрагивали такие большие социальные группы, как слуги, дворяне, наемные рабочие и ученики (все они считались людьми зависимыми), бродяги и бедняки, *находившиеся в богадельнях или получавшие помощь от государства (renfermés ou assistés)*. Эти люди,

¹¹ Savonnettes à vilains – ироническое название процедуры получения дворянского титула простоплюдинами через покупку земли или должности. – *Прим. пер.*

которых публицисты в 1789 г. характеризовали как «*четвертое сословие*», не были лишены прав в равной степени. *Подмастерье* вполне мог действовать самостоятельно, но понятия «*зависимости*», «*принадлежности к дому хозяина*» и «*личной службы*», оставались тесно связаны и переплетены с наемным трудом. Граница между этими категориями была тем более размыта, что переход из одной категории в другую нередко не фиксировался никакими юридическими документами, будь то контракты или свидетельства. Отсюда столь много неопределенности как на местах, так и в законодательстве по поводу их политических прав. После ряда декретов лета 1792 г. в Декларации 1793 года была провозглашена формальная отмена зависимости данной категории людей: «Закон никоим образом не допускает существования дворни; возможно лишь взаимное обязательство об услугах и вознаграждении между трудящимся и нанимателем» (статья 18, уже упомянутая в связи с вопросом о рабстве). В результате на практике в течение нескольких лет у них появилось право голоса, но не более того. Если же говорить о наемных рабочих в целом, то законы Ле Шапелье и д'Алларда, принятые в 1791 г., стремились запретить, во-первых, забастовки или «*согласованные действия*», во-вторых, объединение граждан, занимающихся одним ремеслом, и, наконец, возможность, о чем говорится реже, коллективно высказываться во время собраний граждан. Подобные правила представляют собой, на наш взгляд из XXI в., исключительно показательный пример как раз ограничения прав. Но в реальности это противоречие почти не было заметно: во время Революции забастовки были довольно частыми и лишь при последующих режимах их запрет стал эффективным, а рабочих вынудили использовать трудовые книжки. Такое законодательное ограничение действовало почти столетие, пока наконец наемные работники не получили провозглашенные политические права и право на объединение.

Мы могли бы таким образом долго изучать один пример за другим, то есть все те случаи поражения в правах, которые уничтожали или модифицировали революционеры. Этот плодотворный историографический метод позволяет, в частности, лучше дифференцировать огромное сельское население, которое ряд авторов, к сожалению, следуя французским исследовательским традициям, все еще рассматривают как единое целое¹². Но по мере детального рассмотрения разнообразных

¹² Bodinier B. La Révolution française et la question agraire // Histoire et sociétés rurales. 2010. № 33.

социальных категорий (о которых данный раздел не дает даже упрощенного представления), при попытках понять, в какой мере и с какой задержкой та или иная группа извлекала выгоду из революции (позже или же вообще никогда), мы логически приходим к тому, что нам становится трудно понять, в чем, собственно, состояла революция и была ли революция вообще. Рискуя потерять из поля зрения само движение в целом, мы недооцениваем динамику создания новых базовых установлений, в которых на первый план выходило общество и которые, хотя, конечно, и не смогли всех уравнять, создавали и новый универсализм, и новые дискриминации.

Собрание граждан

Рассмотрим же процессы, благодаря которым общество переформатировалось. Законодатели могли испытывать большее или меньшее вдохновение, а социальные группы могли быть настроены более или менее агрессивно и решительно, но так или иначе, Национальное собрание, секции и деревня были связаны между собой диалектически. Однако мы знаем, что взаимодействие между ними прежде всего происходило в специфических публичных пространствах, где часть современников реализовывала два основных права – право на участие в политике и на ношение оружия, то есть, соответственно, речь идет о собраниях граждан и о Национальной гвардии. Собственники получили туда доступ сразу же, но очень скоро начались дебаты по поводу того, имеют ли право наемные рабочие, зависимые лица, домашняя прислуга, бедняки или же солдаты с матросами *пользоваться* своими гражданскими правами. Этот время от времени поднимавшийся вопрос ускорил появление нормативных текстов, законов, декретов, постановлений и циркуляров. Ранее в коллективном сборнике мы попытались собрать тексты, посвященные выборам¹³, а это ни много ни мало 178 документов (с декабря 1789 по декабрь 1799 г.), то есть не считая выборов в Генеральные штаты или во времена Консульства. За этими текстами, фиксирующими переход между очень разными представлениями о законности и казавшимися установленными правилами, все же возможно увидеть довольно устойчивые концепции, в соответствии с которыми собиравшиеся граждане в конце концов устанавливали как

¹³ *Aberdam S., Bianchi S., Demeude R., Ducoudray É., Gainot B., Genty M., Wolikow Cl. Voter, élire pendant la révolution française, 1789–1799. Guide pour la recherche. Éd. Revue et augmentée. P., 2006. (1ère éd.: 1999). 573 p.*

порядок и условия проведения своих собраний, так и формы принятия решений. Собирались ли они на муниципальном уровне (*коммунальные собрания*), на уровне кантона (*первичные собрания*) или же *избирали выборщиков (вторую ступень)*, которые затем встречались на уровне дистрикта или департамента (*собрания выборщиков*), все эти собрания предназначались как для обсуждений, так и для выборов и походили на своеобразные сходки местного населения. В 1790–1793 гг. в стране, насчитывавшей около 28 млн. жителей и 44 000 *коммун*, предполагалось, что примерно 4,5–6,5 млн граждан выбирали около 1 млн. *должностных лиц*. Таким образом, читатель может оценить универсальность этого явления, а также накал страстей, которые царили на этих собраниях.

Полномочия собраний граждан оставались спорным моментом на протяжении всего этого периода: обсуждения в них были негласно запрещены в 1790–1791 гг., достигли наивысшей степени в 1792–1793 гг., а в 1795–1799 гг. заседания часто затягивались надолго. Кроме того, в собраниях всех уровней правило равенства участников вступало в немедленное противоречие с соблюдением старинной иерархии прерогатив. Эта сложная иерархия в последний раз проявила себя во время многочисленных собраний при формировании Генеральных штатов. Согласно хорошо известным правилам, не исключавших, впрочем, мелких и яростных споров, церковные, гражданские и военные власти взирали друг на друга с презрением. Приходские священники, сеньоры и нотабли не раз вступали в конфликты с *«простонародьем»*. После принятия в 1789 г. первой статьи Декларации прав («Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут быть основаны только на общей пользе») задача сводилась лишь к тому, чтобы заставить признать эту статью как в богатых городах, так и в мелких деревнях. Постепенное введение алфавитного порядка фамилий и имен для вызова присутствующих или голосующих – вроде бы совсем незначительная деталь, но на деле она представляет собой заметный прогресс в вопросе равенства граждан. Разумеется, утверждение этого принципа произошло не за один раз и не повсеместно, он то применялся, то нет, поначалу использовался неуверенно, а затем все более привычно с каждым новыми выборами *«маэстратов»*. Более того, впоследствии случались и длительные откаты назад: *«беззаконные назначения»* часто брали вверх над выборами, а с увлечением *«этикетом»* вновь стали раздавать пышные титулы, но отныне в этом всегда присутствовала некоторая доля иронии.

Обладание оружием

Стремление к равенству лежало в основе и другого основополагающего института – Национальной гвардии. Она была создана в первую очередь из-за опасений населения по поводу недвусмысленно высказываемых угроз, исходящих от «разбойников», но также учитывала и невысказанные угрозы со стороны дворянства и иностранных государей¹⁴. Во время формирования гвардии случалось, что командование иногда поручалось ушедшему в отставку офицеру. А бывало и так, что из желания всех уравнять властные полномочия предоставлялись ротюрье, а совсем не тем, кто принадлежал к *дворянству шпаги*, то есть обладал, как считалось, куда большей военной компетенцией *«по праву рождения»*. Вскоре в системе привилегий произошел полный переворот и национальные гвардейцы начали систематически проводить обыски замков в поисках оружия у аристократии. Гвардия была одновременно и иерархической, и *демократической* средой, так как там избирались как офицеры, так и сержантский состав. В этом гвардия была близка к собраниям граждан, которые начали с изменения дворянских привилегий носить оружие (эту привилегию теперь получили все), а закончили уничтожением самой иерархии: выборы начальства подчиненными стали законными и непреложными. Сложно не увидеть в этом достижение Декларации прав. Впрочем, юридическое право на ношение оружия после стольких веков суровых запретов не ограничивалась лишь сферой гвардии. Из этого также вытекало право на охоту, которая до того времени была фактически тайной и более или менее строго наказывалась в зависимости от региона. Народная традиция вооружения – это было необходимо для добычи пропитания или уничтожения вредителей на полях – позволяла заниматься и более принципиальными вещами, идет ли речь о контрабанде или о самозащите. В современной Франции все еще насчитывается, несмотря на широкие кампании по их запрету, множество упорно оспариваемых, не всегда задекларированных охотничьих ружей.

Демократическая трансформация Национальной гвардии к тому же подготовила радикальный переворот в военном сообществе, которое в период абсолютной монархии подчинялось строгим правилам, под-

¹⁴ Dupuy R. La Garde nationale et les débuts de la révolution en Ille-et-Vilaine, 1789-mars 1793. P., 1972. 285 p.; *Idem*. La Garde nationale, 1789–1872. P., 2010. 606 p.; La Garde nationale entre nation et peuple en armes. Mythes et réalités, 1789–1871 / Sous dir. de Bianchi S., Dupuy R. Rennes, 2006. 561 p.

вергавшим серьезной дискриминации десятки тысяч солдат и матросов, прежде всего речь идет о телесных наказаниях. Все моряки – матросы королевского, торгового или рыболовного флота – состояли на *военно-морском учете*. Но в 1790 г. они получили право по достижении 12 лет выбирать своих *сундиков* в соответствии с *округом (quartier maritime)*¹⁵. Но эти особые правила не облегчили осуществление моряками их гражданских прав. С матросами королевского флота неплохо обращались, но как и добровольно записавшиеся в ряды *королевской армии* они вынуждены были упорно бороться, чтобы их все-таки признали свободными людьми. В 1790–1791 гг. на кораблях, в казармах и в арсеналах началось жестокое подавление того, что тогда называли «согласованными *мятежами*». На деле же чаще всего речь шла об экономических требованиях, связанных с жалованьем, или требованиях соблюдать человеческое достоинство. Одно из самых известных волнений подобного рода произошло в рядах гарнизона Нанси и было подавлено войсками генерала Буйе. Солдаты, которые избежали расстрела, были отправлены на каторгу. После долгой кампании в их защиту «патриоты» в апреле 1792 г. наконец добились их освобождения, и оно стало символом происходящих изменений. Во время демонстрации, сопровождавшей их прибытие в Париж, они подтвердили свои гражданские права, гордо демонстрируя свои красные колпаки каторжников, которые таким образом стали сливаться воедино с колпаками свободы.

Когда в феврале 1793 года было принято решение об *объединении (амальгаме) линейных батальонов* и батальонов *национальных волонтеров* для формирования *полубригад* (полков) новой национальной армии, процедура выборов командного состава подчиненными, разработанная для Национальной гвардии, была распространена на всю армию. Эти выборы стали частью новой системы продвижения по службе, разработанной с учетом более ранних дискуссий по поводу *карьеры государственных служащих*, в том числе по вопросу о том, какую роль при повышении должны были играть *выслуга лет* и личные *заслуги*¹⁶. Армия, таким образом, без особых сложностей перешла к выборам большей части командного состава и впоследствии продолжала спокойно

¹⁵ Cabantous A. Communautés maritimes et Révolution (1790–1791): un apprentissage démocratique? // Pouvoirs et littoraux du XVe au XXe siècle / G. Le Bouëdec éd. Rennes, 2000.

¹⁶ Blaufarb R. Démocratie et professionnalisme: l'avancement par l'élection dans l'armée française, 1760–1815 // AHRF. Octobre – décembre 1997. № 310.; *Idem*. The French Army, 1750–1820. Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002. 227 p.

придерживаться этого правила. Эта характерная для Революции военная организация, одновременно демократичная и упорядоченная, досталась в наследство Империи.

Меньшинства и универсализм

Собрания граждан и Национальная гвардия, эти новые, порожденные Революцией институты, создавали и новые политические расклады. Отныне именно в рамках этих институтов формировались новые права, например право на жизнь, а вслед за ним требования лучшего питания: вопрос о *продовольствии* и о роли спекулянтов. Политический радикализм Революции – результат всевозможных народных заседаний, которые впоследствии потребовалось запретить, чтобы лишить санкюлотов возможности высказываться, а вместе с тем закрыть клубы, *общества* и большинство газет. Наглядным свидетельством размаха этого движения стало то, что собрания граждан происходили вплоть до 1799 г. и вновь появились в 1815 г. В этом разнообразном «*демократическом*» театре допускалась свобода слова, и одновременно он давал возможность участвовать в принятии решений и способствовал началу карьеры. Подобные открытые для талантливых людей места привлекали множество *молодежи*, но в то же время приводили и к созданию определенного неравенства: собрания граждан, расширение права голоса, Национальная гвардия, батальоны «*федератов*», «*волонтеров*» и «*защитников Отечества*» – *всё это представляло собой отдельные сообщества, хотя и использующие выборы и основанные на принципе равенства*. Возникало нечто вроде своеобразных республик *братьев* и *друзей*, для которых закрытость от участия женщин была определенным способом самоутверждения. Возможно, именно отсюда идут (наряду с массовыми женскими требованиями продовольствия) два типа политических требований женского меньшинства: с одной стороны, требование права на ношение оружия, с другой – право голоса; в 1792–1793 гг. оба требования слились воедино¹⁷.

В апреле 1793 г. Жильбер Ромм потерпел неудачу, попытавшись в своем проекте Декларации ратовать за политические права «индивидуумов обоих полов». Во время последовавшего затем жаркого лета в первичных собраниях, где в конце концов были приняты и Декларация

¹⁷ Godineau D. Op. cit; *Idem*. Femmes en citoyenneté: pratiques et politique // AHRF. Avril-juin 1995. № 300. P. 197–207; *Idem*. Privées par notre sexe du droit honorable de donner notre suffrage... Le vote des femmes pendant la Révolution française // La démocratie «à la française» ou les femmes indésirables / Sous dir. de Viennot E. P., 1996. P. 199–211.

ция прав, и первая республиканская Конституция, проблема права женщин на участие в голосовании явно возникала чаще, чем требование права на ношение оружия. В то же время другие первичные собрания приняли крайне женоненавистнические резолюции, выступив против разрешения женщинам развода или же против раздела общинных земель, так как после этого женщины сразу получили бы право голоса (10 июня 1793 года)¹⁸. Исключительность «демократического» подъема в период между летом 1792 г. и летом 1793 г. даже привела к проекту упразднения власти мужа над женой (Гражданский кодекс Камбасереса, 9 августа). Небезынтересен тот факт, что именно после всех этих широко распространенных и несколько беспорядочных событий осенью 1793 г. были приняты жесткие меры против предоставления женщинам политических прав и их возможности объединяться, и хорошо известно, что в сфере предоставления женщинам права голоса последствия проявлялись еще 150 лет. И здесь мы подходим к сути нашей проблемы: это поражение, которое касалось большинства, ощущалось как таковое лишь незначительным меньшинством, считавшим, что его это затрагивает. Если в этой действительно сложной ситуации мы ограничимся утверждением, что женщины были «с 1789 г. полностью»¹⁹ лишены избирательных прав, мы, конечно, не поймем ничего из того, что происходило в 1793 г. Несомненно, не стоит путать «поступательно-возвратные», частичные тенденции с общим вектором перемен, и нужно отдавать себе отчет в том, что противоречия и конфликты лежат в самой основе нашей работы. Это тем более необходимо, что, если лавировать между Тэном и Токвилем, открывается возможность подчеркнуть преемственность между государством времен Старого порядка и Наполеона, продемонстрировать, что правила, установленные некогда Парижским парламентом, были подхвачены Гражданским кодексом, и в целом показать, что изменения происходили медленно, особенно если связывать их с гораздо более поздним контекстом.

Когда занимаются изучением революции и ищут, кого она затронула, а также высказывают гипотезу, что она затронула всех, особый интерес вызывают те, кто это ощущал, в реальности или в воображении. Постепенное ускорение хода жизни подтверждают сотни современников того времени. «Как будто бы наша жизнь продолжалась множество

¹⁸ *Aberdam S.* Deux occasions de participation féminine en 1793: le vote sur la Constitution et le partage des biens communaux // AHRF. 2005. № 339.

¹⁹ *Godineau D., Hunt L., Martin J.-C., Verjus A., Lapied M.* Femmes, genres, Révolution, «Regard croisés» // AHRF. 2009. № 358.

веков», – сказал в 1804 г. Порталис. Повседневная реальность выражалась в индивидуализации прежних юридических связей и ускорении циркуляции материальных ценностей и людей. Появление новых связей между людьми с целью производства материальных благ тем более удивительно, что это были явно весьма разумно продуманные меры, однако они вызвали изменения, совершенно чуждые воле их инициаторов, и затронули все население. Упоминая новые производственные связи, я не открываю Америку, не борюсь с ветряными мельницами, а всего лишь повторяю тезисы, которые долгое время разрабатывались другими исследователями и опубликованы в недавних работах.

Универсализация обмена и революционная денежная система

Не затрагивая здесь экономическую историю, основанную на точных цифрах, следует подчеркнуть, что немедленную выгоду от Революции получили зажиточные фермеры и крупные собственники, торговцы, адвокаты, банкиры и государственные финансисты, военные фабриканты. Они были относительно немногочисленны, и что не удивительно, это были как раз те люди, которые могли бы извлечь выгоду из изменения конъюнктуры. Поэтому, если мы хотим понять, что же изменилось, нужно взглянуть на вопрос под более широким углом. Для дореволюционной Франции были характерны низкая собираемость налогов из-за многочисленных «привилегий», недостаток кредитования и денег в обращении, что и пытались исцелить такие «системы», как, например, система Лоу. Также можно было бы написать, что продажа национальных имуществ была «самым важным событием Французской революции»²⁰. Тем более это можно было бы сказать и о той системе, которую эти продажи сформировали наряду с отменой десятины и созданием ассигнатов. Не останавливаясь подробно на продаже национальных имуществ, нужно все же отметить, что этот процесс смог начаться лишь после массового отказа от выплаты десятины, от сеньориальных прав, дорожных пошлин и древних налогов, после последовавшего затем долгого паралича новой системы общественных налогов, что привело к весьма противоречивыми экономическим последствиям²¹.

²⁰ Bodinier B., Teysier É. L'évènement le plus important de la Révolution française. P., 2000. 503 p. [название взято у Ж. Лекарпантье].

²¹ Postel-Vinay G. À la recherche de la révolution économique dans les campagnes (1789–1815) // Revue économique. Novembre 1989. Vol. 40. № 6.

Со сломом всех традиционных механизмов получения ренты денежный оборот еще более замедлился, удушив в больших городах производство предметов роскоши, а также рынок сбыта колониальных товаров, в то время как доходы крестьян, напротив, возросли. Самообеспечение и урегулирование выплаты ростовщических долгов сначала задержали новую организацию обмена товарами, но с 1790–1791 гг. постепенно начался рост внутреннего рынка, притом даже не за счет меновой торговли, а скорее благодаря торговле на небольшие расстояния, что обеспечило некоторое процветание, основанное на продуктах самого низкого качества, критикуемых, но продаваемых²². Однако в течение этих первых лет *ассигнаты* еще не находились в повседневном обороте в качестве платежного средства из-за их слишком высокой номинальной стоимости. Эту роль играли «спонтанно» появившиеся бумажные деньги – хорошо известные коллекционерам²³, но плохо изученные историками. Спонтанный выпуск «*доверительных векселей*», имеющих множество разных названий, – результат деятельности большого количества связанных между собой предпринимателей примерно в 1660 муниципалитетах. На практике они имели весьма незначительную совокупную стоимость (около ста миллионов ливров), но выпускались мелкими купюрами, созданными для того, чтобы обеспечить зарплату и повседневные потребности людей. Несмотря на благие уверения властей, все факты заставляют думать, что с этими эмиссиями вполне мирились, они считались естественными, поддерживающими денежный оборот. Они обеспечивали большую часть повседневного денежного обращения в 1790–1793 гг., иногда даже в более поздний период, до тех пор, пока эмиссия мелких ассигнатов не стала отвечать потребностям населения. Это примечательное использование частных денег сближает начало Французской революции с американским XIX в.²⁴ и его обильными эмиссиями. Но для нас это тоже ценный показатель: спонтанные эмитенты были «заинтересованными» предпринимателями, а их эмиссии «интересовали» все население.

Свободный выпуск бумажных денег держался в конечном счете на тех людях, кто не мог от них отказаться, так как жил от зарплаты до зарплаты, но именно эти люди приводили в движение всю экономику. До тех пор пока в 1795 г. всякая связь с металлическими деньгами не

²² *Cornette J.* Un révolutionnaire ordinaire, Benoît Lacombe, négociant 1759–1819. Champ-Vallon, 1986. 430 p.

²³ *Kolsky M.* Les Billets de confiance de la Révolution française, 1790–1792. P., 2005. 452 p.

²⁴ *Wood G. S.* American Dream Money // The New-York Review. 2011. November 10.

исчезла окончательно, ассигнации использовались для покупки национальных имуществ и оплаты налогов, а впоследствии стали применяться для всей экономической деятельности, способствуя ликвидации долгов и всем спекулятивным механизмам, в частности, в отношении потребительских товаров и зерна, ради которых городские секции вынуждены были объединять силы граждан. Таким образом, с точки зрения права на жизнь, а также права на доход все граждане были затронуты коммерциализацией социальных связей. Либеральное переустройство общества произошло посредством монетарных практик, а их инфляционная перегрузка, я имею в виду итоговую гиперинфляцию времен Директории, – это та сторона дела, которая существовала совершенно отдельно от проводимой политики.

Законодательное обрамление

Какими бы ни были временные уступки, на которые пошел Комитет общественного спасения в отношении городских масс, в конце концов пришли к свободе заключения договоров и рыночным механизмам, но в четко очерченных законодателем границах. А в долгосрочной перспективе и вовсе можно увидеть возникновение настоящей долговременной политики в отношении общества. Такова была ситуация в области управления деревней. Уже тогда, когда один за другим разрабатывались важнейшие революционные законы, предпринимались робкие попытки их «кодификации». Речь идет не об известном законе о сельской местности (март 1791 г.), который неудачно был назван Аграрным кодексом, а о том, как сам Камбасерес официально представил Конвенту проект Гражданского кодекса (9 августа 1793 г.). В период между этим реформаторским проектом, который долгое время считался образцовым, и гораздо более консервативным Наполеоновским кодексом 1804 г. прошло много времени, но в то же время сложилась определенная среда юристов, прошедших через революционные законодательные органы. Даже если их члены упорно отрицали, что они составляют единое сообщество или представляют чьи-либо частные интересы, следует серьезно отнестись к усвоенным этими юристами методам создания нового мира (о котором все это время они мечтали), а также к тому, как создаваемая ими реальность стала тщательно сохраняемой юридической нормой.

Я уже акцентировал внимание на иерархии личных и поземельных статусов, на множестве обязательств и прав, которые уничтожили «жа-

керию» 1789-1792 гг., добывавшиеся вплоть до 1793 г. упразднявших эти статусы законов. Однако связи между обязанностями, считавшимися *собственностью, уходящей в незапамятные времена*, или появившимися в результате основанных на кутюмах договоров, уже при Старом порядке были весьма запутаны. Учитывая склонность «хорошего общества» *жить как благородные*, по крайней мере с XVI в. прослеживается тенденция, выражавшаяся в попытках изменить условия сельскохозяйственных договоров, сделав их похожими на социально куда более престижные обязательства перед сеньорами. Таким образом, различные традиционные формы производства стали рассматриваться как имеющие своей целью обеспечение землевладельцам дохода и образа жизни, сравнимого с сеньориальной моделью. Тем не менее и к концу Старого порядка прямая аренда, фермерство, испольщина и другие способы временного «*держания*» земли были широко распространены. Более того, доход от них положил начало постепенному разрушению земельной собственности или, вернее, концентрации сельскохозяйственных угодий: с одной стороны, *крупных арендных хозяйств* в Парижском бассейне и на севере, а с другой, – *фермерской аренды* в центре и на юго-западе в областях «мелкой культуры». Иными словами, при этих разнообразных формах землепользования точная граница между тем, что могло быть упразднено (так как считалось, что оно имеет «феодалные» корни) и что могло продолжать существовать, не была ни очевидной, ни предустановленной, ни четко сформулированной в Декларации прав.

Под давлением крестьянских выступлений законы, упраздняющие этот порядок, долго обсуждались юристами, как например, Мерленом (из Дуэ), вынужденным стать третейским судьей в этой сфере вплоть до самой Реставрации. При этом, что не должно удивлять, ликвидация сеньориальных обязательств, совмещенная с продажей национальных имуществ, привела лишь к упрощению и усилению крупной земельной собственности. И в этом результате, ставшем следствием поражения самых бедных крестьян, которым не удалось навязать раздел общинных земель, нет никакого парадокса²⁵. Множество источников фиксирует все более нарастающее давление этой крупной собственности на заре XIX в. Еще до Бальзака и более откровенно, чем он, Бенжамен Констан в 1819 г. написал: «Очевидно, что если бы дворяне, как крупные собственники, использовали свой вес для управления судьбами Франции,

²⁵ Ado A. Op.cit.

Франция потеряла бы за несколько лет, может быть, всего за один год, плоды сорокалетней борьбы»²⁶. Но юристы были начеку!

Хотя Гражданский кодекс и был принят в 1804 г., а ему предшествовало несколько других кодексов (уголовный, торговый, процессуальный, лесной), одному из составленных тогда проектов пришлось ждать своего часа еще 150 лет. Речь идет о проекте Аграрного кодекса²⁷, том самом, который должен был упорядочить систему традиционных методов землепользования в регионах «мелкой культуры», испольщины, *аренды (domaine congéable)* в Бретани, *губернората (gouvernorat)* в Перше, договоров переуступки прав (*baillets, maître-valets*) на юго-западе и т.д. Также необходимо было урегулировать вопросы наемного труда в сельском хозяйстве, порядок пользования водными ресурсами, дорогами, изгородями и оградами, регламентировать решение сельских конфликтов... Однако Государственный совет при Наполеоне отказался утвердить этот проект Аграрного кодекса из опасения, как бы он не поспособствовал законному возвращению всемогущества крупных землевладельцев. Ни он, ни его преемники не допускали существования особых сельских законов, специфических сельских установлений, сельских судов и *создания подразделений сельской полиции...* Короче говоря, ничего, что походило бы на Андалусию, Ирландию или Латинскую Америку.

К испольщине и другим видам землепользования относились терпимо, однако Гражданским кодексом регулировалась лишь аренда, точно так же, как наем работников оставался практически единственным допустимым договором найма. Однако каждый режим и иногда даже каждое правительство в течение XIX в. пыталось вновь запустить механизм подготовки проектов аграрных кодексов, опросов, голосований генеральных советов департаментов, а также пыталось начать постатейные разработки этих кодексов, отталкиваясь от местных обычаев. Но вплоть до Третьей республики ничего не помогало – от составления кодекса раз за разом отказывались, – да и тогда статьи, принятые в 1889 г., носили лишь вспомогательный характер. Реальные меры для создания Аграр-

²⁶ Constant B. De la division des propriétés foncières. P., 1819.

²⁷ Aberdam S. Histoire des Usages locaux: ambiguïtés, discontinuités. Guide d'exploitation // Une France coutumière / Sous dir d'Assier-Andrieu L. P., 1990. P. 43–68; *Idem*. Profil d'un codificateur, l'expérience révolutionnaire de Verneilh-Puyraseau, rédacteur du projet de code rural de 1814 // La Révolution et l'ordre juridique privé / Éd. M. Pertué. PUF, 1988. Vol. 1. P. 205–217; *Idem*. Sur les origines du code rural, un siècle de conflit, 1789–1900; rapport INRA. Nantes, P., 1982–1984.

ного кодекса были приняты лишь в 1944–1946 гг. вместе со Статутом об аренде и ипотеке, а также с паритетными судами по вопросам сельской аренды, и лишь тогда удалось ликвидировать пережитки ипотеки, вытеснив ее арендой с четко разработанными правилами. Так закончился демонтаж широкомасштабного компромисса, некогда созданного для того, чтобы не допустить нападков крестьян на крупных собственников, сделать так, чтобы договор был единственной формой социальных отношений в метрополии, помешать возвращению «существующих с незапамятных времен» *кутюмов* и сохранить таким образом весьма хрупкую, но реальную связь с Декларациями прав.

Заключение

Классическое определение революции состоит в том, что широкие народные массы в это время пытаются решать свою судьбу. Политическая память тех, кто в ней участвовал, не раз потом проявлялась в мелких деталях: и через пятьдесят лет, во время голосований 1848–1849 гг. в армии и еще сильнее на флоте антагонизм между рядовыми и офицерами был еще хорошо заметен²⁸, а некоторые конфликты с арендаторами в XX в. напрямую связаны с 1789 г. Границы равноправия в этих случаях хорошо чувствуются (так же как и в ситуациях, о которых шла речь ранее), однако следует помнить, что в самом начале движения за равноправие те темы, которые ныне нам кажутся важнейшими, затрагивались лишь незначительными меньшинствами, а накал эмоций современников мы представляем себе очень плохо. Наказы депутатам Генеральных штатов не превратились в чисто либеральные, поскольку временами недовольство оказывалось настолько сильным, что его нельзя было не учитывать. Член Учредительного собрания Бенью вспоминал: «Составитель собрал множество более или менее чрезмерных пожеланий и в конце концов выдал такую неслыханную формулировку: „Даем полномочия нашим депутатам испросить у господина нашего короля согласие на вышеупомянутые просьбы; в случае, если он их удовлетворит, поблагодарить его за это; а если откажется, свергнуть его“, последние слова были подчеркнуты».

Страх охватывал противников революции не тогда, когда устанавливалось политическое равенство, а тогда, когда толпы лезли на стены замков. Декларации прав лишь указывали путь для выхода из бурь. В реальности же речь шла о том, присоединится или нет та или иная

²⁸ Salmon F. Atlas électoral de la France, 1848–2001. P., 2001. XV + 95 p.

социальная категория к революции, будут или нет удовлетворены ее требования и при каких условиях. Решимости установить равенство прав недостаточно самого по себе; конкретные обстоятельства могли ему воспрепятствовать, отсрочить или реализовать непредсказуемым образом. Мы видим, что речь в общем-то шла не об унификации весов и мер, не о новом рациональном делении национального пространства и не о новом календаре, основанном на десятичной системе, а о том, что различные группы людей разобщали противоположные интересы и о невозможности что-то планировать в условиях угнетения и эксплуатации²⁹.

С другой стороны, пример расхождения между Гражданским и Аграрным кодексами выявляет еще одно действующее лицо, а именно Государственный совет – настоящую основу власти, хранителя коллективной юридической памяти сменявших друг друга режимов французской буржуазии, и он вплоть до наших дней бесцеремонно обеспечивает свою преемственность. Поэтому следовало бы вернуться к вопросу, затронутому в начале данной статьи, и подытожить, что Французская революция принадлежала, прежде всего, тем, кто завершил ее и кто построил на ее основе весьма долговременный государственный строй. С той оговоркой, что усилия, которые они предпринимали, чтобы оставаться его хозяевами, позволяют также думать, что их право собственности на него было отнюдь не очевидно.

Список литературы

- Aberdam S.* Deux occasions de participation féminine en 1793: le vote sur la Constitution et le partage des biens communaux // AHRF. 2005. № 339.
- Aberdam S.* Histoire des Usages locaux: ambiguïtés, discontinuités. Guide d'exploitation // Une France coutumière / Sous dir d'Assier-Andrieu L. P., 1990.
- Aberdam S.* La Convention en campagne – à propos des éditions du projet de Constitution de 1793 // Le temps des média. Revue d'histoire. Hiver 2006–2007. № 7. P. 20–34.
- Aberdam S.* Profil d'un codificateur, l'expérience révolutionnaire de Verneilh-Puyraseau, rédacteur du projet de code rural de 1814 // La Révolution et l'ordre juridique privé / Éd. M. Pertué. P., 1988. Vol. 1.
- Aberdam S.* Sur les origines du code rural, un siècle de conflit, 1789–1900; rapport INRA. Nantes, P., 1982–1984.

²⁹ *Beugnot J.-C.* Mémoires publiées par son fils... Rééd. Lacour-Gayet. P., 1959.

- Aberdam S., Bianchi S., Demeude R., Ducoudray É., Gainot B., Genty M., Wolikow Cl.* Voter, élire pendant la révolution française, 1789–1799. Guide pour la recherche. Éd. Revue et augmentée. P., 2006. (1ère éd. : 1999). 573 p.
- Ado A.* Paysans en révolution. Terre, pouvoir et jacquerie, 1789–1794. P., 1996.
- Beugnot J.-C.* Mémoires publiées par son fils... Rééd. Lacour-Gayet. P., 1959.
- Biard M.* Collot d'Herbois : légendes noires et Révolution. Lyon, 1995.
- Blaufarb R.* Démocratie et professionnalisme: l'avancement par l'élection dans l'armée française, 1760–1815 // AHRF. Octobre-décembre 1997. № 310.
- Blaufarb R.* The French Army, 1750–1820. Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002. 227 p.
- Bodinier B.* La Révolution française et la question agraire // Histoire et sociétés rurales. 1er semestre 2010. № 33.
- Bodinier B., Teysier É.* L'évènement le plus important de la Révolution française. P., 2000. 503 p.
- Bourguinat E.* Le siècle du persiflage: 1734–1789. P., 1998. 228 p.
- Cabantous A.* Communautés maritimes et Révolution (1790–1791): un apprentissage démocratique? // Pouvoirs et littoraux du XVe au XXe siècle / Éd. par G. Le Bouëdec. Rennes, 2000.
- Constant B.* De la division des propriétés foncières. P., 1819.
- Cornette J.* Un révolutionnaire ordinaire, Benoît Lacombe, négociant 1759–1819. Champ-Vallon, 1986. 430 p.
- Dupuy R.* La Garde nationale et les débuts de la révolution en Ille-et-Vilaine, 1789-mars 1793. P., 1972. 285 p.
- Dupuy R.* La Garde nationale, 1789-1872. P., 2010. 606 p.
- Foucault M.* Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique. P., 1964. 2 vol. 311 p.
- Foucault M.* Le pouvoir psychiatrique; cours au Collège de France, 1973–1974. P., 2003. 399 p.
- Godineau D.* Citoyennes tricoteuses: les femmes du peuple à Paris pendant la Révolution française. Aix-en-Provence, 1988. 420 p. (Réed.: 2004).
- Godineau D.* Femmes en citoyenneté: pratiques et politique // AHRF. Avril-juin 1995. № 300.
- Godineau D.* Privées par notre sexe du droit honorable de donner notre suffrage... Le vote des femmes pendant la Révolution française // La

- démocratie «à la française» ou les femmes indésirables / Sous dir. de E. Vienno. P., 1996.
- Godineau D., Hunt L., Martin J-C., Verjus A., Lapied M.* Femmes, genres, Révolution, «Regard croisés» // AHRF. 2009. № 358.
- Hourwitz Z.* Apologie des Juifs (1789). P., 2001. 84 p.
- Kolsky M.* Les Billets de confiance de la Révolution française, 1790–1792. P., 2005. 452 p.
- La Garde nationale entre nation et peuple en armes. Mythes et réalités, 1789–1871 / Sous dir. de Bianchi S., Dupuy R. Rennes, 2006. 561 p.
- Malino F.* Un juif rebelle dans la Révolution et sous l'Empire: la vie de Zalckind Hourwitz (1751–1812). P., 2000. 243 p. (Oxford Blackwell, 1996).
- Postel-Vinay G.* À la recherche de la révolution économique dans les campagnes (1789–1815) // Revue économique. Novembre 1989. Vol. 40. № 6.
- Robin R.* La société française en 1789. Semur-en-Auxois, 1970. 522 p.
- Roudinesco É.* Théroigne de Méricourt, une femme mélancolique sous la Révolution. P., 1989. 316 p.;
- Salmon F.* Atlas électoral de la France, 1848–2001. P., 2001. XV + 95 p.
- Semelaigne R.* Philippe Pinel et son œuvre. Au point de vue de la santé mentale. P., 2001.
- Swain G.* Le sujet de la folie. Naissance de la psychiatrie. P., 1997. (1ère éd.: 1977).
- Weiner D.B.* Comprendre et soigner: Philippe Pinel (1745–1826), la médecine de l'esprit. P., 1999.
- Wood G. S.* American Dream Money // The New-York Review. November 10, 2011.